

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/19986645/71/7

О.В. Мерзликина

ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ «ДОМАШНИЙ СКОТ» В РУССКОЙ И ГАЛИСИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

На примере сравнительно-сопоставительного изучения зооморфных метафорических номинаций анализируются характеристики домашних животных, их образа жизни и окружения, ставшие основанием для метафорического переосмысления. Описываются ассоциативные представления о подобии «образов» человека и животного. Выявляются общие и национально-специфические механизмы метафоризации в русском и галисийском языках. Исследование зооморфных метафор русского и галисийского языков позволяет выявить определенные ценностные и культурные ориентации в языковых картинах мира данных лингвокультур.

Ключевые слова: зооморфная метафора, зооним, языковая картина мира, метафорический перенос, концепт

Введение

Животные являются частью культуры всех народов, и поэтому представления о них широко используются в построении образных идиом, которые служат для выражения определенных реалий повседневной жизни. В этом типе образных выражений мы можем воспринимать оценку животных в определенной лингвокультуре. Зооморфный код культуры, будучи частью языковой картины мира, закрепляется в лексике и фразеологии, концептуализируя черты характера человека, его отношение к другим людям, его нравственную сущность, интеллект и внешность, реалии окружающего мира и т.д., благодаря чему раскрываются как универсальные, так и национальные особенности каждой лингвокультуры. Будучи частью культуры всех народов, животные являются широко используемыми референтами при построении метафорических номинаций, которые служат носителям всех языков для выражения определенных реалий повседневной жизни. Одно из наиболее актуальных направлений лингвокультурологии и когнитивной лингвистики – исследование метафоры. Такое исследование дает возможность изучения как национального своеобразия языковых картин мира сопоставляемых языков, так и анализа универсальных и национально специфичных принципов метафоризации в различных лингвокультурах.

Статья посвящена изучению зооморфной метафоры на материале ее языковых репрезентаций в русском и галисийском языках: образных слов, сравнений и устойчивых выражений, номинирующих «домашний скот» в русском и галисийском языках с точки зрения лингвокультурологии. Анализируются зооморфные метафоры с номинациями «домашний скот» и

определяются универсальные и национально-специфичные особенности репрезентации данных зооморфных метафор в сопоставляемых языках.

Рассмотрены наименования сельскохозяйственных домашних животных, как наиболее близких к человеку, с целью определить особенности ассоциативно-символической связи мира животных с человеком и теми реалиями действительности, которые связаны с его жизнедеятельностью в русском и галисийском языковом сознании, выявить характер и степень сходства и различий в системе зооморфных метафорических номинаций, универсальные и национально специфичные особенности репрезентации зооморфных метафор, эталоны и стереотипы языкового сознания и ценностные приоритеты русской и галисийской лингвокультур, сходства и различия между двумя разными по типу культурами.

Изучение зооморфных метафор является важнейшей частью изучения языковой картины мира, поскольку в зоонимах закодирована культура народа, его психологические, социальные и ментальные черты. Являясь одной из самых продуктивных метафор в языке, зооморфная метафора всегда привлекала внимание лингвистов. Анализу зооморфной метафоры галисийского языка в когнитивном аспекте посвящена фундаментальная работа А. Гонсалес Перейра [1]. Актуальность настоящего исследования обусловлена продуктивностью сравнительного анализа зооморфных метафорических номинаций для выявления этнокультурных особенностей русской и галисийской языковых картин мира, а также обнаружения универсальных и национально специфичных особенностей репрезентации зооморфных номинаций в сопоставляемых языках. Настоящее исследование дает возможность сделать выводы, которые помогут описать языковую картину мира русских и галисийцев, их сходства и отличия.

Методология

В последнее время метафора стала рассматриваться как ключ к пониманию человеческого мышления и процессов формирования как универсального, так и национально-специфического мировоззрения, как когнитивный феномен, как способ познания и оценки мира. Основной идеей когнитивного подхода к метафоре является положение о том, что через метафоры мы категоризируем, структурируем и воспринимаем мир, думаем и действуем в нем. По мнению Дж. Лакоффа, категоризация в своей сущности является продуктом человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, с другой – метафорического переноса [1] как способа отождествления вида объекта или опыта при помощи высвечивания одних свойств, преумножения или сокрытия других [2. Р. 189].

На современном этапе в лингвистических исследованиях метафоричность считается неотъемлемой частью мышления человека, а метафора рассматривается как важный механизм, который позволяет понимать абстрактные понятия как результат и средство познавательной деятельности

человека, как универсальный когнитивный механизм категоризации и концептуализации действительности.

В основе метафоры лежит механизм ассоциативного отождествления, когда признаки одного предмета или явления переносятся на другой предмет или явление на основе какой-либо аналогии [3. С. 79]. Поскольку значительное количество ценностно важных для человека категорий (время, пространство, состояние, эмоции и т.д.) являются абстракциями и возникает необходимость в их наглядном представлении через простые и доступные для обыденного сознания понятия. Именно потребность в осмыслении и осознании явлений одного рода в терминах другого и приводит к возникновению метафоры в концептуальных структурах мышления [2. Р. 115]. В процессе метафоризации актуализируются релевантные элементы концептуальной сферы-источника и переносятся на сферу-цель [4]. Базовые модели метафорической номинации человека формируются на основе когнитивного механизма, при котором, с одной стороны, образу животного приписываются характеристики, свойственные человеку, а с другой – созданный образ ассоциируется с человеком, которому приписываются зооморфные характеристики [5. С. 12].

Зооморфная метафора – одна из самых распространенных моделей метафорических номинаций, в которой какой-либо признак животного является сферой-источником, а человек выступает в качестве сферы-мишени такого метафорического уподобления. Зооморфная метафора, таким образом, является когнитивной проекцией «образа» животного на характеристику человека или реалий окружающей действительности.

Опыт в данном случае становится ключевым аспектом для создания образных выражений, поскольку никакое образное выражение не может быть адекватно понято независимо от опытного познания окружающего мира [2. Р. 19]. В процессе получения такого опыта человек анализирует окружающую его действительность и соотносит ее с самим собой, в результате чего происходит антропоморфизация окружающих его жизненных реалий и явлений [3. С. 80]. Зооморфная метафора позволяет использовать воображаемый и в то же время построенный на чувственном опыте образ того или иного животного для характеристики человека и тех реалий, которые связаны с его жизнедеятельностью. Универсальный опыт, построенный на наблюдениях, не всегда приводит к образованию универсальных метафор [6. Р. 4], но каждая культура создает свои национально-специфичные метафорические образы.

Житейские наблюдения над внешностью, поведением, повадками животного определяют оценочные векторы создания зооморфного образа, обуславливающего характерологические основания аналогии. При этом оценки через аналогию с животными получают в первую очередь определенные признаки человека, его поведения, внешности, умственных способностей, характера или определенных реалий окружающей действительности, значимые для коммуникации. Таким образом, в основе вторичной номинации лежит определенный когнитивный признак. Высокий уровень проявления признака имеют практически все зооморфные метафорические

номинации. Они дают общее представление о значении знака, являясь, таким образом, средством передачи содержания признакового характера. Отнесенность определенного признака к его носителю детерминирована национальной культурой каждого народа.

При формировании зооморфного метафорического переноса немалую роль играет стереотипизация, т.е. в основу зооморфной метафоры закладывается самый яркий образ, наиболее характерный для данного животного, который говорящий может легко идентифицировать [3. С. 80]. В системе зооморфных метафор проявляется образно-эмоциональное отношение к одним животным и отсутствие или слабая представленность образно-языковой интерпретации других [7. С. 75].

Для выявления универсальных и специфических особенностей зоонимов, относящихся к группе «домашний скот», в сопоставляемых языках, а также определения специфики их реализации в русской и галисийской картинах мира из толковых и фразеологических словарей, авторами которых являются Т.В. Козлова, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, А.П. Евгеньева, А.И. Молотков, Н.А. Истомина, В.М. Огольцев, Х.М. Карбалеира, М.С. Лопес Табоада и М.Р. Сото Ариас, Р.А. Мертинес Сейшо, А. Сантамарина, А. Буитраго [8–18], было отобрано около 160 лексических единиц, образных сравнений и идиом, имеющих переносное метафорическое значение и номинирующих домашний скот. Выбор данной группы обусловлен, прежде всего, их распространенностью и близостью к сравниваемым лингвокультурам, а также той ролью, которую они играли и продолжают играть в жизни человека. Нами были отобраны те лексические единицы образные выражения, которые позволяют судить о том, какое представление имеют русские и галисийцы о домашних животных анализируемой группы. Таким образом, выбранные лексемы и образные выражения относятся к аспектам внешности и поведения животных, к тому, что люди интерпретируют как характер или состояние животного, к существующим между человеком и животными отношениям, к аспектам, которые указывают на оценки, которые даются животным.

Исследование и результаты

Лингвокультурный код языка находит свое наибольшее отражение в образных выражениях. Метафоричность образов имеет фундаментальное значение для понимания культурных аспектов языка. Это означает, что тысячи образных значений и оценок создают особый набор смыслов, через которые говорящие воспринимают реальность. Таким образом, каждая лингвокультура создает свои собственные метафорические образы, закрепленные в культурных когнитивных моделях, и воплощается в образных построениях их языка с каждой из его особенностей. Такими особенностями культуры являются те, которые предоставляют нам необходимую культурную информацию: характерные элементы материальной или духовной жизни народа, социальные нормы, связанные с вежливостью, суевериями, убеждениями, стереотипами, поведением и т.д.

Сознание человека, антропоцентричное по своей природе, создает национально маркированные оценочные концепты, которые служат своего рода ориентирами в восприятии окружающего мира. Результатом этого стало создание метафорических номинаций как средств оценки различных свойств личности через их сопоставление с животным миром. Процесс метафоризации, как уже было отмечено, происходит путем восприятия животных через мировоззрение человека, через имеющийся у него социальный опыт и его субъективную оценку типичного поведения и свойств животных, той роли, которую они играют в его жизни. В языковой картине мира зооморфизмы, таким образом, наделены особым ментальным характером ассоциаций, объединяющих человека и животный мир.

Знания об объективной действительности, которые нашли отражение в языковой картине мира и закреплены знаковым способом, не всегда тождественны в разных культурах, потому что каждая лингвокультура находится под влиянием уникального комплекса факторов, значимыми для нее оказываются зачастую разные фрагменты действительности, действия, процессы и т.д. Поэтому, несмотря на то, что окружающая действительность может быть общей для нескольких культур (некоторые животные, природа, и т.д.), оценочные и эмоциональные нагрузки могут быть различными для каждого социума, следовательно, и концептуализироваться по-разному. Иногда случается и так, что одно и то же наименование животного развивает противоположные метафорические значения. Так, в метафорическом употреблении зоонима 'собака', актуализируются признаки хорошей и плохой жизни: *coma un can á boa vida* (букв.: как собака для хорошей жизни) и *levar unha vida de cans* (букв.: жить собачьей жизнью – плохой).

Когда мы характеризуем человека посредством зооморфной метафоры, то подчеркиваем собственные инстинкты животного в образе человека. Образы животных переносятся в сферу человека и часто приобретают юмористический, ироничный, уничижительный или даже гротескный оттенок, так что человек может быть сравнен с бесчисленным разнообразием животных (кошка, собака, свинья, осел, и т.д.) [19. Р. 193–194].

Одним из наиболее близких человеку животных, используемых в хозяйстве, является **корова**. Корова в словарях русского языка определяется как крупное рогатое домашнее животное, дающее мясо, молоко и кожу и служащее тягловой силой. В крестьянской семье корова олицетворяла достаток и потерять корову зачастую было равнозначно катастрофе. У многих народов она является символом плодородия и благосостояния. Древние славяне также почитали корову, так как она давала человеку пропитание. По мнению Н.Г. Скляревской, в данную лексему в русской культуре входят семы «ласковая», «добрая», «смирная», «умная» [20. С. 62].

Если проанализировать устойчивые выражения русского языка, то можно увидеть, что основные характеристики коровы находят в них свое отражение. Стереотипный образ коровы выключает самое характерное для внешнего вида и движений животного, возникающее в сознании человека. В концептосфере носителей русского языка фиксируется представление о

корове как о неуклюжем, неповоротливом, неловком и толстом животном. С коровой в русской лингвокультуре отождествляют неуклюжего человека: *как корова на льду*, толстую, неуклюжую, неповоротливую женщину: *неуклюжая как корова*, а также неуклюжего всадника: *как корова на заборе* (о неуклюжем всаднике). Основой метафорического переноса в данном случае является сема 'большая', которая ассоциативно разворачивается в сему 'толстая', а 'толстая' – в 'неуклюжую' [5]. Представление о корове как о кормилице служит для метафоризации человека как безотказного источника доходов: *дойная корова*.

В галисийской лингвокультуре доминирующим признаком образа коровы также является ее размер. Толстую женщину галисийцы, равно как и русские, называют коровой (*vaca*): *ser coma unha vaca* (букв. быть как корова). Данный ассоциативный признак метафорически переносится и на характер человека: *ca una vaca en brazos* (букв. как корова на руках) – о занудном, тяжелом, надоедливом человеке. В галисийской культуре роль коровы как кормилицы, как источника благосостояния в жизни человека также подвергается метафорическому переосмыслению. Являясь кормилицей в хозяйстве, корова была настолько важна для жизни, что в галисийском языке в образе коровы актуализируется метафорическое значение потери времени: *perder as vacas* (букв. потерять коров), т.е. потерять время. Мы относимся ко времени как к очень ценной вещи и соответствующим образом осмысливаем его [2]. В приведенном примере ценность животного переносится на ценность времени: *perder o tempo – perder as vacas*.

Зооморфные метафоры также могут быть связаны с сюжетами библейских текстов. Так, недостаток, тяжелое время ассоциируется с образом тощих коров – *vacas fracas* (букв. тощие коровы), а время изобилия – с толстыми коровами – *vacas gordas* (букв. тучные коровы). Сферой-мишенью в данном случае выступает не человек, а период изобилия или недостатка.

Общими для русской и галисийской лингвокультуры является и такой признак, как 'неприкосновенность': *священная корова / vaca sagrada* – о привилегированном, неприкасаемом в силу своего особого положения человеке. Общими в сравниваемых языках являются и признаки 'глупость' и 'удивление': *coma unha vaca mirando para o tren* (букв. как корова, смотрящая на поезд) и *смотреть как корова на писанные ворота* – с удивлением, ничего не понимая.

Разные направления метафорического переноса образа коровы в русском и галисийском языках могут быть детерминированы национально-культурными различиями. Корова в галисийской культуре использовалась и для сельскохозяйственных работ, так же как и бык. Образ коровы используется в качестве сферы-источника при описании таких качеств характера человека, как трудолюбие, и, напротив, праздность и лень. Для характеристики трудолюбивого человека используется идиома *traballar coma unha vaca* (букв. работать как корова), однако метафорическое значение с общей позитивной оценкой в данном случае несет в себе отрицательно-оценочное значение, т.е. работать как корова – тяжело работать, без отды-

ха. Соответственно, образу коровы приписываются и такие антонимические характеристики, связанные с трудом, как ‘безделье’ и ‘праздность’, *coma unha vaca (cansada)* (букв. как (уставшая) корова) – о ленивом человеке. Национально-маркированными в галисийском языке являются метафорические значения зоонима ‘корова’ в составе фразеологических единиц, характеризующих эмоциональные состояния человека: ‘растерянности’ и ‘замешательства’: *coma unha vaca nun teatro* (букв. как корова в театре) и ‘свободы’: *andar coma vaca sen choca* (букв. гулять как корова без колокольчика).

В русском языке с образом коровы связывается ‘пропажа’, ‘исчезновение’: *как корова языком слизала* (внезапно, бесследно исчезнуть). Сравнение в данном случае очевидно: большой и шершавый язык коровы быстро и чисто слизывает пищу. Каждое животное в хозяйстве имеет свое предназначение, поэтому выражения *как корове седло, как на корове седло* отражают признак ‘несоответствие’.

Бык в словарях определяется как крупное рогатое животное. При характеристике человека этнокультурно маркированным в символике данного зооморфизма в русском языке оказываются физические характеристики животного и его поведение: сила и агрессивность. Наиболее важным для носителей русского языка является направление развития исходного образа, основанного на характеристике внешнего вида животного, а именно его размера. В сравнении ‘*здоров как бык*’ основой для метафорического переноса, так же как и в случае с зооморфизмом *корова*, является сема ‘большой’, однако в случае с *быком* она ассоциативно разворачивается в сему ‘сильный’ или ‘здоровый’: *здоров как бык* (о крупном, сильном и здоровом человеке). Поведение человека сопоставляется с агрессивным поведением быка или же противопоставляется ему: *набычиться* – передает внутреннюю агрессию, глубокую обиду и ассоциируется с позой быка, готового отразить нападение; *как бык на красную тряпку* – передает агрессию, следовательно, *взять быка за рога* – проявить смелость, решительность. Проанализированный языковой материал показывает, что зооморфная метафора концепта «бык» в сравниваемых лингвокультурах в галисийском языке актуализирует такие признаки, как ‘сила’: *forte coma un touro* (букв. сильный как бык); ‘агрессия’: *máis puxante ca un touro de Fecha* (букв. мощнее быка на корриде), *arremeter coma un touro (bravo)* (букв. нападать как бык); ‘смелость’ и ‘решительность’: *coller o boi polos cornos* (букв. взять быка за рога).

Национально-маркированными в галисийском языке оказываются признаки ‘непонимание’: *coma boi para palacio* (букв. как бык на дворец, ср. рус. как баран на новые ворота) – о глупом, бестолковом человеке; ‘свобода’: *coma o boi no monte* (букв. как бык в горах) – о свободном человеке; ‘спокойствие’: *coma o boi de Belén* (букв. как бык в вертепе) – о спокойном человеке, а в русском – это признаки ‘упрямства’: *упрям как бык*; ‘недовольства’: *смотреть / сидеть как бык* (угрюмо, поглядывая исподлобья) – об угрюмом, недружелюбном человеке.

Свинья является символом нечистоплотности и имеет репутацию нечистого животного, валяющегося в грязи. В поведении свиней выражается

их подлинная натура. Доминантной характеристикой для восприятия образа свињи, таким образом, является признак 'грязная'. Очевидно, что данный зооморфизм имеет четкую символическую мотивацию (относится к среде обитания животных), а также высокую степень конвенционализации отрицательных значений, выражающих чувство отвержения и отвращения. Тем не менее доминантный признак данного зооморфизма, имеющий ассоциативную ориентацию на характеристику внешних качеств животного, гораздо шире. Быть свињей может соотноситься с отсутствием надлежащего ухода за собой, за чистотой своего тела, одежды и жилища, нравственной нечистоплотностью, невежеством, грубостью и хамством, неблагодарностью: *свињья свињей, настоящая свињья*.

Метафорический процесс заключается в трансформации полученного опыта в абстрактные схемы мышления, иными словами метафора придает форму абстрактным идеям [2. Р. 30–33]. Таким образом, внешние черты животного и его поведения переносятся на его внутренние качества: 'грязный' – 'неопрятный' – 'непорядочный' – 'неблагодарный'. Образно-ассоциативное осмысление зооморфизма «свињья» в русском языке выступает в значении неопрятного, грязного человека: *валяться как свињья в грязи, жить как свињья*. Внешняя нечистоплотность переносится на внутренние качества человека, характеризуя его как непорядочного, аморального, а также неблагодарного, например: *поступать по-свињски, свињья грязи найдет*, а в таких выражениях, как *подложить свињью, свињский* (хамский), образ животного переносится на поступок, поведение человека. Также зооморфизм «свињья» является языковой репрезентацией таких признаков, как 'безответственность': *напиться как свињья*, что также может быть связано и с образом свињи как символа хамства и нечистоплотности. Нечистоплотность человека, передаваемая с помощью образа свињи, переносится и на его жилье: *как в свињюшнике* (о грязном жилье). Как *порошенка* характеризуют человека неряшливого, неопрятного или непорядочного. Однако чаще данный зооморфизм используется по отношению к детям и не несет в себе резко отрицательных смыслов.

В галисийском языковом сознании образ свињи также характеризует нечистоплотного человека в физическом и моральном смысле. Признак 'нечистоплотность' реализуется в таких выражениях и лексических единицах, как *sucio coma un porco, porcalleiro, porcallán, cocho, marrán* (о грязном, неухоженном человеке, букв. грязный как свињья), *cortello dos porcós* (букв. свиной двор, свињюшник), *porcallada, cochada* (пакость, букв. свињство), *maleducado coma un porco* (букв. невоспитанный как свињья), *animal de bellota* (грубый, хам, букв. свињья).

Одной из центральных понятийных сфер, связанных со сферой-источником образа жизни свињи, является сфера-источник «еда»: свињья – это животное, разводимое в основном для производства мяса, соответственно, ее всегда хорошо кормят, чтобы она набирала вес, кроме того, свињья не особо разборчива в еде. В сопоставляемых лингвокультурных сообществах в метафорическом употреблении анализируемого зоомор-

физма для описания внешности человека доминирует оценочная актуализация признаков ‘толстый’: *толстая как свинья / толстый как боров, как кабан откормиться; gordo coma un porco, cocho* (букв. толстый как боров). Кроме полноты, галисийцы выделяют еще один признак – ‘обжорство’ – *comer coma un porco* (букв. есть как свинья, т.е. есть очень много) и признак ‘сила’: *ter forza coma o porco* (букв. иметь силу как у свиньи). Метафорический перенос в данном случае основывается на внешней характеристике свиньи как толстого животного, сема ‘толстая’ ассоциативно разворачивается в ‘большая’, а ‘большая’ – в ‘сильная’. Неразборчивость свиньи в еде в русском языке также используется как признак метафоризации – *разбираться как свинья в апельсинах* (о человеке, совершенно не разбирающемся в чем-либо). Национально-маркированным в галисийском языке оказывается признак ‘упрямство’: *coma un porco / coma os cochos* – быть очень упрямым.

В европейской символической осел всегда был предметом насмешек. Анализ словарных статей и собранная картотека устойчивых выражений позволили выделить главные ассоциативные признаки зоонима ‘осел’. В русском языке осел ассоциируется прежде всего с глупостью: зооморфизм «осел» (дурак, остолоп) часто выступает в роли инвективы без дополнительных дескрипторов или же с помощью таковых: *осел безмозглый*, а также находит свое выражение в пословице *осла видать по ушам, а дурака – по речам*. Осел в русской лингвокультуре также является символом нерешительности: *буриданов осел* (о крайне нерешительном человеке).

Метафорические значения зооморфизма ‘осел’ в русской и галисийской культурах обладают значительной долей сходства. Так, в галисийской лингвокультуре осел также символизирует глупость. В данном случае подобно тому, как быстрота ума ассоциируется с быстротой движения [21. Р. 386–387], медлительность в движении ассоциируется с медлительностью мысли, поэтому медлительные животные, такие как осел, обычно символизируют глупых людей: *asno / burro* (о глупом человеке), иронически – *tan esperto coma un burro* (букв. умный как осел), *ir de burra e volver de albarda* (ничему не научиться, букв. поехать на осле и вернуться на седле), *burrería, asneira* – глупость, глупый поступок, *pensando morreu un burro* (букв. думая, умер осел, т.е. нужно действовать, а не тратить время на различные мысли). Таким же образом семантическое поле зрения обычно соотносится с интеллектом: острота зрения интерпретируется как интеллектуальная острота – *burro cego* (букв. слепой осел).

В сравниваемых лингвокультурах мы находим общие характеристики зооморфизма «осел» – упрямото: *terco / testudo coma un burro* (букв. упертый, рус. *упрямый как осел*). Люди приписывают ослу такое качество, как упрямото, основываясь на наблюдении за его поведением: любое действие со стороны человека зачастую оказывается бесполезно, чтобы сдвинуть животное с места.

Осел в словарных дефинициях определяется как вьючное животное. Отсюда еще один ассоциативный признак – ‘осел – работающее живот-

ное', поэтому в галисийском языке в фокус метафоризации попадает и такой ассоциативный признак, как 'труд': *traballar como un burro* (букв. работать как осел), *cargado coma un burro* (нагруженный как осел), *burro da carga* (работяга), и его антонимический образ – *burro cansado* (букв. уставший осел, т.е. человек, не имеющий желаний, намерения что-либо предпринимать). В русском языке данный признак передается лексемой *ишак* (много работающий человек) и выражением *нагруженный как осел*.

Национально-маркированным является представление об осле как о предмете насмешек: *ter o burro á porta* (букв. иметь осла у двери), т.е. быть предметом насмешек. Сферой-мишенью в галисийском языке может быть не только человек, но и чувства, мысли и умственные способности: *baixar da burra* – осознать ошибку и понять, наконец, то, что было непонятно (букв. слезть с осла), *coller o burro* (букв. взять осла), т.е. беспокоиться, тревожиться.

Ослица в галисийском языке олицетворяет лицемерие: *falso coma unha burra vella, máis falsa ca burra vella* (букв. лживый, лицемерный как старая ослица). На наш взгляд, в приведенных примерах особое значение имеет прилагательное *vella* (старая), служащее мотивирующей основой ассоциативного признака: 'старая' ассоциативно соотносится с 'имеющая жизненный опыт', а далее – 'лицемерная'.

Необычным, на наш взгляд, является представление об ослице, как о животном, приносящем удачу, передаваемое посредством образа белой ослицы: *vir a burra branca co diñeiro* (букв. приходит белой ослице с деньгами). Сферой-мишенью в данном случае выступает событие (удача). Факт встречи белой ослицы такой редкий, что ассоциируется с удачей, везением [22]. Кроме того, белый цвет, символизирующий в общих чертах свет, чистоту, доброту, удачу, ассоциируется со всем правильным и положительным. Не стоит также забывать о том, что в этническом сознании носителей галисийского языка осел был и символом бедности, нужды, поскольку далеко не все крестьяне могли позволить себе иметь лошадь в хозяйстве.

В русском языке встречается только один метафорический образ данного зоонима: *глупая как валаамова ослица* – об очень глупой женщине.

Зооморфизм **баран (овца)** в русском языке имеет довольно устойчивый стереотипный образ очень глупого, несведущего человека, *как баран на новые ворота* (в полном недоумении, ничего не понимая), *бестолковый / непонятливый как баран*. Овца воспринимается как животное стадное и «безынициативное». Данный зооним в метафорическом значении используется для характеристики человека покорного, безропотно подчиняющегося судьбе, который не сопротивляется обстоятельствам. Метафорический перенос актуализируется также через значения 'невинность', 'безобидность' и 'беззащитность': *невинная овечка* (о смирном, кротком человеке), *прикинуться овечкой*; *стадо баранов* (о неорганизованной толпе, которая слепо, без рассуждений идет за кем-либо), *согнуть в бараний рог* (подчинить себе, заставить быть послушным и безропотным, безжалостно подавлять кого-либо). Как видим, образ овцы, прежде всего, служит примером человеческого поведения. Человек – общественное существо, и он теряется, если

не принадлежит стаду: человек не может выжить в одиночестве, поддается внушению извне и легко сбивается с правильного пути, беззащитен перед «хищниками» и поэтому нуждается в пастыре. Таким образом, в зооморфизме баран (овца) можно выделить два релевантных ассоциативных признака: ‘покорность, беззащитность’ и ‘глупость’. При этом баран отличается особым упрямством – *уперся как баран*, что ассоциативно соотносится со значением глупости, поскольку упрямство выражается в несговорчивости, неуступчивости вопреки здравому смыслу.

В галисийском языке образ барана в большинстве своем совпадает с его образом в русском языке: характеризует глупого или покорного и безропотного человека: *coma unha ovella / coma un carneiro / coma un cordeiro / coma un año* (быть послушным, смиренным, без сопротивления следовать стадом за кем-либо, букв. как овца / баран); человека невинного и кроткого: *faite ovella e comerate o lobo* (букв. стань овцой, и волк тебя съест); а также человека упрямого: *testudo / terco coma un carneiro* (букв. упрямый как баран). В галисийском языке существует лексема, обозначающая годовалого ягненка – *año*, с помощью которого характеризуют человека очень смиренного и безобидного. Малый возраст в данном случае метафорически переносится на малый «возраст» человека, т.е. такой же безобидный и смиренный, как ребенок.

В отличие от русского языка, в галисийском языке символическое значение образа овцы как беззащитного животного коррелирует с представлением о трусливом человеке, добавляя еще одну характеристику человека, чье поведение сходно с поведением овцы: *acovardados coma carneiros* (букв. трусливые как бараны).

Как известно, овца обладает ценной шерстью. Данный ассоциативный признак детерминирован в галисийском языке невербальным знаком «цвет»: *ovella negra* (букв. черная овца, ср. рус. – белая ворона), т.е. овца необычного цвета – необычный, редкий, не такой как все человек, а в русском языке это ее внешние характеристики: человека с очень кудрявыми волосами сравнивают с *барашком*. Анализируемый ассоциативный признак также служит основой для создания идиомы *с паршивой овцы хоть шерсти клок* (образ ни на что не пригодного человека).

В русском языке метафорический перенос актуализируется также через значение «размер»: *не баран начихал* (не малое количество). Исходная когнитивная, лежащая в основе метафорического использования указанного образного выражения, включает в себя маркированный признак небольшого размера домашнего скота по сравнению с такими животными, как корова и бык, в метафорических номинациях которых также актуализируется данный признак.

В галисийском языке имеется большее количество лексических единиц для обозначения данного животного (овцы), среди которых *pécora*, зооморфизм, имеющий отрицательную оценку и относящийся преимущественно к женщинам: *pécora* – гулящая, развратная женщина, *mala pécora* (букв. плохая овца) – порочный или злобный человек (чаще о женщине). Происхождение данного термина восходит к латинскому *pecus*, что озна-

чало мелкий скот, преимущественно ими были овцы. Когда-то они использовались для расчета в качестве денег, отсюда – *récora* – это женщина, продающая себя за деньги.

Как показывает языковой материал, и в русском и в галисийском языках зооморфизмы баран и овца наделены разной оценочной коннотацией. Баран ассоциируется с глупостью, упрямством, а овца – с невинностью и кротостью. Что касается русского ‘стада баранов’, то в данном случае скорее преобладает признак ‘глупость’.

Козел на территории распространения христианства имеет негативные ассоциации, поскольку именно это животное в древнееврейских обрядах служило для отпущения грехов: на него возлагались грехи всего еврейского народа и его отпускали в пустыню, откуда и происходит выражение *козел отпущения* (*chibo expiatorio*) – о человеке, на которого сваливают чужую вину или ответственность за чужие поступки). Образ козла в Библии имеет отрицательные оценочные смыслы. Мифологические архетипы становятся прообразом для метафорического переосмысления зоонима «козел» и представляют взгляд лингвокультурной общности на данный образ.

В словарях русского языка зооним ‘козел’ трактуется как человек, вызывающий неприязнь и раздражение, например в выражении ‘старый козел!’. При анализе идиоматических ипостасей козла можно определить доминантный ассоциативный признак: образ *козла* используется для характеристики подлого и неприятного человека. Если обратиться к устойчивому сравнению *как от козла молока* (т.е. человека, не имеющего никакой пользы, проку) и к идиоме *пускать козла в огород* (позволять действовать там, где человек может быть особенно вреден, или допускать кого-либо к тому, чем он может воспользоваться в корыстных целях), можно прийти к выводу, что козел – это бесполезный или злонамеренный человек. Таким образом, доминантными характеристиками козла в русском языке и их проекциями на человека являются признаки ‘бесполезность’ и ‘злонамеренность, подлость’.

В галисийском языке зооморфизм *cabrón* также характеризует подлого, злонамеренного человека, если речь идет о женщине, то употребляется лексема *cabrona*. Данное метафорическое значение отражено и в такой лексеме, как *cabronada* (злонамеренный поступок), в идиоме *facer algo de cabrón* – делать что-либо со злым умыслом (букв. сделать что-либо козлиное).

Интересна концептуализация поведения козла / козы в выражениях *пускать козла в огород* и соответствующая ему идиома в галисийском языке *meter as cabras na horta* (сеять раздор, букв. пускать коз в огород). Каждая лингвокультура по-своему осмысливает окружающую действительность, отсюда один и тот же зооморфный образ получает различное значение. Если в русском языке, как было отмечено выше, в данном выражении актуализируется характеристика животного как зловредного, недоброжелательного существа, то в галисийском языке – как вносящего раздор. В данном случае в основу метафорического переноса положена оценка поведения козы, которое в галисийской лингвокультуре ассоциируется с агрессивностью.

Маркированным оказывается признак такой характеристики поведения животного, как гнев, раздражение: *estar co cabuxo* (находиться в состоянии раздражения непродолжительное время, букв. быть с козленком) и производный от данной лексемы глагол *encabuxar*. *Cabuxo* (букв. козленок) в приведенном выше примере ассоциируется с раздражением, гневом, длящимся короткое время. Маленький размер в данном случае метафорически переносится на малое количество времени, а сферой-мишенью метафорического переноса является эмоциональное состояние.

В русской лингвокультуре **коза** воспринимается как животное свое нравное и озорное. В основу символики зоонима «коза» в русском языке положена оценка поведения животного, обладающего вздорным и непоседливым характером, которое соотносится с поведением женщины или девочки: *коза / козочка* (о резвой, бойкой девочке). Таким образом, релевантным ассоциативным признаком является вздорный и непоседливый характер, прыгучесть и легкость животного: *прыгать как коза, коза в сарафане* (вертлявая).

Образ козы в галисийском языке ассоциируется с несурзным поведением, состоянием сумасбродства и сумасшествия из-за ее необычайной легкости, беспокойства и суеты, способности карабкаться по обрывистым и крутым местам, прыгать и подвергать себя опасности. Мотивация в данном случае основана на культурных конвенциях: коза считается животным нестабильного, непредсказуемого и даже странного поведения; по этой причине она стала ассоциироваться со странным, экстравагантным человеческим поведением, несколько нелогичным и безрассудным. Возможно, именно восприятие козы как животного неразумного и легло в основу метафорического сравнения козы с неразумным поведением женщины в плане сексуальной свободы, т.е. поведение женщины, неконтролируемое мужчиной, ассоциируется с поведением козы на свободе: *facer coma a cabra no monte* (букв. делать как коза в горах). В русском языке как козу характеризуют неуклюжего человека: *моститься как коза на кровле*.

Если в русском языке образ козы используется для характеристики взбалмошной представительницы слабого пола, то в галисийском в большей степени акцентирован признак 'придурковатость', 'сумасшествие', 'глупость'. Причем данные признаки не являются гендерно-маркированными и могут быть использованы по отношению к обоим полам: *cabra tola / cabuxa tola* (букв. сумасшедшая, безумная коза), *estar como unha cabra* (букв. быть как коза), *máis tolo ca unha cabra* (букв. глупее козы), *ter a cabeza como unha cabra tola* (букв. иметь голову как у глупой козы); *coma a cabra que pariu para o lobo* (букв. как коза, родившая для волка). Развитие метафорического значения зоонима 'коза' обусловлено в данном случае характерной чертой поведения животного – беспричинно мотать головой, что является признаком упрямства и ассоциативно соотносится с глупостью.

Кроме того, посредством образных представлений о козе в галисийском языке характеризуется состояние алкогольного опьянения *máis borracha ca*

unha cabra (букв. пьянее козы). Среди метафорических номинаций, связанных с глупым поведением и обусловленных данной метафорой, можно выделить еще несколько. Через образ *козы* галисийцы характеризуют также человека лживого: *mentir coma unha cabra* (букв. врать как коза) и невоспитанного: *coma unha cabra sen solta* (букв. как коза без привязи).

Зооморфные метафоры также могут являться отражением народной мифологической символики, они могут быть связаны с различными историческими, социальными и культурными факторами. Нередко зооморфизмы не имеют отношения к реальным характеристикам животного [23. С. 20]. Так, в русском языке через образ козы характеризуется несговорчивый, упрямый человек: *на козе не подъедешь*.

Таким образом, в русском языке национально маркированным оказывается типичное поведение животного, т.е. его взбалмошность и беспокойство, а для галисийской лингвокультуры доминантным является признак номинации животного для указания на низкие интеллектуальные способности.

Лошадь / конь определяется как животное, используемое для перевозки грузов и человека. Лошадь также использовалась крестьянами в сельскохозяйственных работах. Таким образом, доминантными ассоциативными признаками, связанными с метафорическими номинациями коня / лошади, будет ее восприятие как средства передвижения и рабочей силы. Для русского языка характерно различие в метафорических переносах, связанных с зоонимами «лошадь» и «конь»: лошадь пашет, а конь под седлом. В галисийском языке данное различие не является релевантным.

В русской лингвокультуре ценностная идеализация трудолюбия находит свое отражение в образе лошади, которое тем не менее в большинстве случаев имеет отрицательные смыслы, связанные с тяжелым, изнурительным трудом. В данном случае доминантным признаком на уровне метафорических преобразований выступает 'измученность, изнуренность': *пахать как лошадь* (работать очень много и напряженно), *дышать как загнанная лошадь* (измученный, изнуренный гоньбой), *как обозная кляча / как разбитая кляча* (работать до изнеможения, без отдыха; выглядеть измученным и крайне уставшим). Лошадь ассоциируется также с выносливостью, здоровьем: *лошадиное здоровье*. Так, здоровую и рослую женщину сравнивают с *кобылой* (*здоровая как кобыла*), а мужчину – с *жеребцом*. Данная характеристика вербализируется также в идиоме *работать как ломовая лошадь* (о человеке, на которого взваливают самую тяжелую работу) и в *не в коня корм* (о бесполезных, безрезультатных затратах на кого-либо). Ассоциативный признак 'лошадь как рабочая сила' в галисийском языке реализуется в противоположном направлении: *espotreado coma un cabalo* (букв. праздный, обленившийся как лошадь). Основой для такого переноса является особенность лошади, находящейся долгое время без работы – она становится ленивой и ее тяжело принудить к труду. В основе метафорических проекций в галисийской лингвокультуре оказывается и сила, и выносливость коня, способность много и тяжело работать: *forte coma un cabalo* (букв. сильный как конь). В галисийском языке находим только один

метафорический образ зоонима *egua / faco* (лошадь / кляча): *estar a dente coma egua galega* (проголодаться, быть голодным, ср. рус. голодный как волк).

Ассоциативный признак ‘лошадь как средство передвижения’ реализуется в идиомах *бегать как лошадь* и *как застоявшийся конь* (проявлять стремление к движению или действию). Сюда же относится и идиома *быть на коне* и *въехать на (белом) коне* (чувствовать себя победителем). В приведенном примере признак ‘быстрота’ ассоциируется с признаком ‘успех’, поскольку в коне, как средстве передвижения, всегда ценилась его быстрота, соответственно, чем больше возможностей в передвижении, тем больше успех. Образ лошади как средства передвижения детерминирован также и одним из развлечений – скачками и символизирует неизвестность: *темная лошадка*. Общими в приписываемых образу лошади в русской и галисийской лингвокультурах антропоморфными характеристиками являются резвость и скорость: *correr coma o cabalo* (букв. бегать как конь).

Как известно, конь является домашним животным, которого, прежде чем использовать в хозяйстве и сделать послушным, нужно объезжать. Отсюда еще один ассоциативный признак коня / лошади – ‘своевольность, норовистость’. Реализованный в идиомах *брыкаться как лошадь, как норовистый конь* данный признак становится референтом ‘своенравности’. Необходимость объездки коня метафорически переносится на человека невоспитанного, с плохими манерами: *ржать как лошадь / конь* (громко смеяться) и *cabalón* (о невоспитанном, с плохими манерами человеке). Увеличительный суффикс *-ón* служит интенсификатором негативной оценочности. Характерными чертами, метафорически переносимыми на лошадь в галисийском языковом сознании, являются ассоциативные признаки ‘неконтролируемость, необузданность’: *cabalo desbocado* (букв. конь необузданный) – о дерзком и грубом человеке.

Заключение

Таким образом, метафорическое переосмысление реализуется в соответствии с доминирующими ценностями антропоморфизации зоонимов, принятых в определенной лингвокультуре, и имеет, как правило, отрицательную аксиологическую направленность. В ядерно-периферийной организации зооморфной метафорической номинации маркируется какой-либо доминантный признак животного, который в дальнейшем подвергается ассоциативному развитию в системе аксиологических ориентиров определенной лингвокультуры. Вариативность признаков, приписываемых животным, и стереотипное отношение к ним обусловлены национально-специфическим мировосприятием носителей определенной языковой группы.

Анализ показал, что в метафоризации зоонимов анализируемой группы в сопоставляемых языках выявляются как специфические национально маркированные, так и универсальные связи, наличие которых становится возможным благодаря распространенности и близости к человеку анализируемой группы животных в русской и галисийской культурах.

Универсальные ассоциации, лежащие в основе зооморфных метафор в русском и галисийском языках, во многом соотносятся с общими характеристиками животного. Наиболее актуальными для обоих языков признаками, лежащими в основе вторичной номинации, являются относящиеся к поведению и внутренним качествам, физическим характеристикам, умственным способностям, менее востребованными – признаки, относящиеся к внешнему виду и деятельности. Признаки эмоционального состояния в отличие от галисийского не представлены в русском языке.

Совпадения обусловлены, очевидно, относительной универсальностью когнитивных процессов, сходством восприятия и переосмысления действительности русскими и галисийцами, что выражается в общности оценки объекта и в общности основания для развития метафорического значения и ассоциативных связей, лежащих в основе метафорического переноса: так, зооним «бык» в сопоставляемых языках воспринимается как сильный и агрессивный, «баран» – как глупый и упрямый, а «свинья» – как грязная и толстая.

Различия в группе зооморфизмов «домашний скот» обнаруживаются в выборе оснований для моделирования метафорического образа и в репертуаре оценочных значений у одной и той же зооморфной номинации. Набор актуализируемых признаков может совпадать не полностью: так, в образных сравнениях концепт «корова» реализуется в русском и галисийском языках через внешний вид животного (признак 'размер'), в русском языке помимо указанного признака присутствует еще и признак 'неуклюжесть' (типичное поведение), чего не наблюдается в галисийском. Данный концепт в сравниваемых лингвокультурах реализуется также через признак 'ценность', который в русском языке реализуется через модель использования названия животного для указания свойств характера человека (*дойная корова*), а в галисийском маркированной оказывается ценность времени (*perder as vacas*).

Расхождения выявляются и в составе конкретных признаков, актуализируемых метафорами, и в степени продуктивности развития метафорических значений: метафорическая репрезентация зоонима «коза» в русском языке довольно ограничена и реализуется главным образом через признак 'резвость, легкость', тогда как в галисийском через признак 'глупость', образуя при этом большее количество метафорических номинаций.

В галисийском языке также были найдены образные сравнения и фразеологизмы, в которых сферой-мишенью метафорического уподобления является не человек, а эмоциональные состояния и абстрактные понятия: время, гнев, беспокойство.

На наш взгляд, факт совпадения признаков, создающих стереотипные представления о домашних животных в русском и галисийском языках, объясняются их прирученностью и распространенностью, а также общими сюжетами мифологических текстов. Более сложные метафорические уподобления, как правило, в большинстве своем национально маркированы. Анализ зооморфных метафор позволяет глубже понять систему ценностей, социальные нормы поведения и стереотипы различных лингвокультур.

Литература

1. *González Pereira A.* Os animais vistos polo galegos: análise das expresións figuradas galegas que retratan o mundo animal. Tesis de doutoramento. Vigo. 2017. URL: <http://www.investigacion.biblioteca.uvigo.es/xmlui/handle/11093/853>
2. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* Chicago : University of Chicago Press, 1980.
3. *Дыбо А.В., Никуленко Е.В.* Зооморфная метафора «медведь» в русском, английском и языках Южной Сибири // Язык и культура. 2019. № 45. С. 78–95.
4. *Grady J.* *Metaphor // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics.* Oxford : Oxford UP, 2007. P. 188–213.
5. *Ильяс У.* Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
6. *Kövecses Z.* *Metaphor in culture: universality and variation.* Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
7. *Резанова З.И.* Метафора в процессах языкового миромоделирования в языке и тексте // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. № 305 (4). С. 74–83.
8. *Козлова Т.В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М. : Дело и сервис, 2001.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2006.
10. *Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* 2-е изд. М. : Русский язык, 1981–1984.
11. *Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова.* М. : АСТ, 2001.
12. *Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н.А. Истомина.* М. : АСТ, 2003.
13. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М. : АСТЮ 2001.
14. *Carballeira Anllo X.M.* (coord.) *Gran diccionario Xerais da lingua.* 2 vols. Vigo : Xerais, 2009.
15. *López Taboada M.C., Soto Arias M.R.* *Diccionario de fraseoloxía galega.* Vigo : Xerais, 2008.
16. *Martínez Seixo R.A.* (dir.). *Diccionario fraseolóxico galego.* Vigo : A Nosa Terra, 2002.
17. *Santamarina A.* (coord.). *Diccionario de diccionarios.* 2003. URL: <http://sli.uvigo.es/DdD/>.
18. *Buitrago A.* *Diccionario de dichos y frases hechas.* Madrid : Espasa-Calpe, 2006.
19. *Lakoff G., Turner M.* *More than cool reason. A field to poetic metaphor.* Chicago : University of Chicago Press, 1989.
20. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993.
21. *Álvarez de la Granja M.* *Agudo coma un allo o burro cego. La conceptualización de la inteligencia y de la estulticia a través del lenguaje figurado gallego // Linguistic studies in honour of Prof. Siyka Spasova-Mihaylova / eds. by S. Kaldieva-Zaharieva, R. Zaharieva.* Sofía : Bulgarian Academy of Sciences / Institute for Bulgarian Language, 2011. P. 377–413.
22. *Ferro Rubial X.* *A comparación fraseolóxica galega como radiografía lingüística // Lenguaje figurado y motivación: una perspectiva desde la fraseología / ed. by M. Álvarez de la Granja.* Frankfurt am Main : Peter Lang, 2008. P. 129–189.
23. *Хлебникова А.Л.* Метафорическое моделирование образов человека: к проблеме гендерной и этнокультурной специфичности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 18–24.

Zoomorphic Metaphors “Livestock” in Russian and Galician Language Pictures of the World

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 71. 114–132. DOI: 10.17223/19986645/71/7

Olga V. Merzlikina, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.merzlikina@rambler.ru

Keywords: zoomorphic metaphor, zoonym, language picture of the world, metaphorical transference, concept.

The article analyses zoomorphic metaphors with the naming units “livestock”. The universal and specific features of the representation of these zoomorphic metaphors are determined in the compared languages. Names of domestic animals belonging to the sub-group “livestock” have been considered in order to determine the peculiarities of the associative and symbolic links of animals’ appearance, behaviour, and way of life with the particular appearance and personality, behaviour and way of life of a person in Russian and Galician linguistic consciousness, to identify the set of animal metaphors characterising a person, which are significant in the view of culture, paradigms and stereotypes of linguistic consciousness, as well as value priorities of Russian and Galician linguacultures, similarities and differences between the two cultures of different types. The study is built on a semantically grounded zoonym classification, which is based not only on phenotypic traits of animals, but also on their functional role in people’s life. Characteristics of domestic animals, their behavior and environment forming a basis for metaphorical reinterpretation have been analysed in the context of a comparative analysis of linguistic metaphors, figurative comparisons, idioms with a zoonym component. Metaphorisation results from the perception of the animal world through the worldview of people, their acquired social experience and subjective evaluation of animal behaviour and habits. The analysis of zoomorphic metaphors related to the “livestock” sub-group in Russian and Galician linguacultures shows that, in the centre–periphery structure of zoomorphic metaphorical naming, some of the dominant features of the animal are marked. This feature is developed according to association in the system of linguocultural axiological references. The variability of features attributed to animals and the stereotypical attitude towards them are conditioned by the specific worldview of native speakers. Universal associations that are the basis of zoomorphic metaphors in the compared languages largely correlate with the general characteristics of the animal. The most relevant features for both languages that are represented in the figurative name are behaviour and inner qualities, physical characteristics and mental abilities. Features related to appearance and activity are less frequent. The differences are revealed in the choice of the basis for modelling a metaphorical image, in the repertoire of evaluative meanings, as well as in the degree of productivity of the development of metaphorical meanings. The coincidence of the features in the Russian and Galician languages can be explained by animal domestication, their area of distribution, as well as common subjects of mythological texts. More complex metaphorical comparisons are predominantly nationally marked.

References

1. González Pereira, A. (2017) *Os animais vistos polo galegos: análise das expresións figuradas galegas que retratan o mundo animal*. Tesis de doutoramento. Vigo. [Online] Available from: <http://www.investigacion.biblioteca.uvigo.es/xmlui/handle/11093/853>.
2. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Dybo, A.V. & Nikulenko, E.V. (2019) The zoomorphic metaphor “bear” in Russian, English and the languages of Southern Siberia. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 45. pp. 78–95. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/45/6

4. Grady, J. (2007) Metaphor. In: Geeraerts, D. & Cuyckens, H. (eds) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford UP. pp. 188–213.
5. Il'yas, U. (2004) *Zoomorfnyaya metafora, kharakterizuyushchaya cheloveka, v russkom i turetskom yazykakh* [Zoomorphic metaphor characterizing a person in Russian and Turkish]. Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Kövecses, Z. (2005) *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Rezanova, Z.I. (2002) Metafora v protsessakh yazykovogo miromodelirovaniya v yazyke i tekste [Metaphor in the processes of linguistic world modeling in language and text]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesurov – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 305 (4). pp. 74–83.
8. Kozlova, T.V. (2001) *Ideograficheskiy slovar' russkikh frazeologizmov s nazvaniyami zhitovnykh* [Ideographic dictionary of Russian phraseological units with names of animals]. Moscow: Delo i servis.
9. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: ITI Tekhnologii.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Molotov, A.I. (ed.) (2001) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST.
12. Istomina, N.A. (2003) *Entsiklopedicheskiy slovar' simvolov* [Encyclopedic dictionary of symbols]. Moscow: AST.
13. Ogol'tsev, V.M. (2001) *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimno-antonimicheskii)* [Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic)]. Moscow: ASTYu.
14. Carballera Anllo, X.M. (coord.) (2009) *Gran dicionario Xerais da lingua*. 2 vols. Vigo: Xerais.
15. López Taboada, M.C. & Soto Arias, M.R. (2008) *Dicionario de fraseoloxía galega*. Vigo: Xerais.
16. Martínez Seixo, R.A. (dir.) (2002) *Dicionario fraseolóxico galego*. Vigo: A Nosa Terra.
17. Santamarina A. (coord.). (2003) *Dicionario de dicionarios*. [Online] Available from: <http://sli.uvigo.es/DdD/>.
18. Buitrago, A. (2006) *Diccionario de dichos y frases hechas*. Madrid: Espasa-Calpe.
19. Lakoff, G. & Turner, M. (1989) *More than cool reason. A field to poetic metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
20. Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Saint Petersburg: Nauka.
21. Álvarez de la Granja, M. (2011) Agudo coma un allo o burro cego. La conceptualización de la inteligencia y de la estulticia a través del lenguaje figurado gallego. In: Kaldieva-Zaharieva, S. & Zaharieva, R. (eds) *Linguistic studies in honour of Prof. Siyka Spasova-Mihaylova*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, Institute for Bulgarian Language. pp. 377–413.
22. Ferro Rubial, X. (2008) A comparación fraseolóxica galega como radiografía lingüística. In: Álvarez de la Granja, M. (ed.) *Lenguaje figurado y motivación: una perspectiva desde la fraseología*. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 129–189.
23. Khlebnikova, A.L. (2016) Figurative Modelling of a Person's Images with Regard to Gender and Culture Specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 18–24. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/3